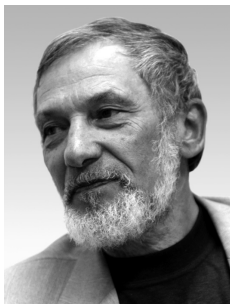

Философско-методологические проблемы

ПРОБЛЕМА ЭПИСТЕМОЛОГИЧЕСКОГО СТАТУСА ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ ПОСТРОЕНИЙ (ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ ЗАКОН, ТЕОРИЯ, ИДЕАЛЬНЫЙ ОБЪЕКТ, СХЕМА)

В.М. РОЗИН

Розин Вадим Маркович — ведущий научный сотрудник Института философии РАН, доктор философских наук, профессор. Развивает свое направление методологии, основанное на идеях гуманитарного подхода, семиотики и культурологии. Автор более 300 научных публикаций, в том числе 42 книг и учебников, среди которых: «Философия образования» (1999), «Типы и дискурсы научного мышления» (2000), «Культурология» (1998–2004), «Эзотерический мир. Семантика сакрального текста» (2002), «Личность и ее изучение» (2004), «Психология: наука и практика» (2005), «Методология: становление и современное состояние» (2005), «Мышление и творчество» (2006), «Любовь в зеркалах философии, науки и литературы» (2006).
Контакты: rozinvm@mail.ru

Резюме

Обсуждение природы психологического закона и соотношения психологической науки и практики позволяет поставить вопрос о роли в психологии схем и идеальных объектов. Характеризуются понятия «схема» и «идеальный объект». Анализируются два кейса. В результате делается вывод, что и в психологической науке и в психологической практике создаются в связи друг с другом схемы и идеальные объекты, но логика и направленность мышления в случае науки и практики разная. Рассматриваются три критерия (внешний, внутренний и эволюционный) истинности психологических теорий, а также в чем различие академических и практических психологических теорий.

Ключевые слова: *идеальный объект, схема, знание, понятие, модель, практика, подход, теория, эксперимент, опыт*

Что описывают психологические теории, какую реальность, как убедиться, что психологические построения правильны, и что значит «правильны», в каком отношении — в смысле истинности или эффективности, или в одном случае (скажем, в науке) истинности, а в другом (в психологической практике) в смысле эффективности, да и как понимать сами эти категории «истинность» и «эффективность»? Если при формировании психологии, когда идеалом науки выступало естествознание, эти вопросы решались однозначно (психологическая теория должна выявлять сущность психологических явлений и психологические законы¹), то в наше время все здесь проблематично. Что значит сущность по отношению к психике человека, ведь каждое направление и школа в психоло-

гии выявляют и трактуют ее по-разному? Как можно говорить о психологических законах, если психологические явления изменчивы, а границы психологических законов при подведении под эти законы разных случаев постоянно сужаются? К. Левин пытался разрешить эти противоречия, вводя представление о «типах» и «целостностях».

«Сущность закона должна соотноситься не с понятием множества (случаев), а с понятием *типа*. Для научного описания, в принципе, достаточно одного случая, если он является индивидуальным представителем типа... Распознавание “действительных” целостностей, по Левину, — это и есть предпосылка “для установления законов психических процессов”. Закон отражает тем самым каузально-генетический тип процесса. Ре-

¹ «Во многих научных концепциях (хотя и далеко не во всех), — пишет А.Н. Савостьянов, — понятие “сущность” тесно связано с понятием “закон”. Под законом понимается существующее с необходимостью, существенное, устойчивое и повторяющееся отношение между явлениями. Закон выражает взаимосвязь между предметами, составными частями какого-либо конкретного предмета, между свойствами вещей или между свойствами внутри вещи. Закон — это правило постоянного возникновения причинно-следственной связи между определенными событиями. Также можно отметить, что представление о стабильности и неизменности закона (или сущности) не исключает эволюционных идей, поскольку возможно допущение неизменных “законов эволюции”, которые остаются стабильными, в то время как мир, подчиняющийся этим законам, изменяется. Очевидно, что любая наука стремится выявить именно закономерные свойства наблюдаемых явлений. При этом несущественно, идет ли речь о жестко детерминированных или о вероятностных событиях. В последнем случае меняется представление о значимом событии, т. е. о таком событии, которое принимают за научный факт. Если в рамках жесткого детерминизма в качестве значимого события рассматривают единичные наблюдаемые случаи, то при вероятностном подходе под значимым событием понимается ряд наблюдений, на выборке которых обнаруживаются вероятностные закономерности. Стремлению ученых к выявлению закономерностей не препятствуют даже последние тенденции в науке, связанные с появлением теории хаотических процессов, поскольку в этом случае хаос рассматривается как детерминированный, т. е. подчиняющийся законам» (Савостьянов, 2003).

Для А.Н. Савостьянова, как мы видим, и сейчас все понятно. Закон, с его точки зрения, вполне работает в современной психологии.

шающим для каузально-генетических взаимосвязей является «величина и длительность существования системы сил, определяющих обсуждаемый процесс...» (Корнилова, Смирнов, 2008, с. 196–197).

Б.Ф. Ломов ту же проблему пытался решить иначе, ограничивая действие психологического закона локальными уровнями («измерениями», срезами).

«Представление о причинности, — пишут Т. Корнилова и С. Смирнов, — связываемое с теми или иными психологическими законами, обеспечивало общность закона для определенных областей психологической реальности, подпадающих под соответствующее объяснительное действие закона... В отечественной психологии постепенно утвердилось методологическое представление об *уровневой представленности психологических законов* и парциальном характере их действия (применительно к отдельной области психических явлений)... Законы раскрывают разные аспекты психического и выявляют существенные, устойчивые, необходимые связи в какой-то одной, определенной и ограниченной плоскости. То есть зависимость от причинно-действующих условий понимается здесь совсем в ином ключе — узости объясняемого круга явлений, установления границ сферы действия закона, а не отнесенности явления к типу» (Корнилова, Смирнов, 2008, с. 198–199).

Вероятно, правильно, что происходит отступление от «обобщения на основе закона» к «установлению границ сферы действия закона». Но не придется ли в этом случае отступать и дальше, поскольку психологические эксперименты показы-

вают необходимость учета все новых и новых неучтенных факторов, и граница психологического закона еще больше сужается. Может быть, стоит признать, что категория «закон» в психологии вообще не действует? К тому же или законы, или культурно-историческая концепция, которую сторонники Л.С. Выготского так поднимают на щит. Т. Корнилова и С. Смирнов пишут, что высшим уровнем интеграции мотивов деятельности «выступает самосознание личности», а «границей для общепсихологической теории деятельности весьма вероятно станет проблема межличностных отношений и тесно связанная с ней проблема творчества» (Корнилова, Смирнов, 2008, с. 180, 186). В каком тогда смысле сохраняется категория психологического закона? Кстати, если мы выносим за рамки закона межличностные отношения и творчество, то что остается от психики, каким законам она в этом случае подчиняется?

Но что тогда, если не психические законы, и так ли они неопределенны? Вот, например, К. Ясперс в параграфе «Фундаментальные законы психологического понимания» устанавливает вполне на вид стабильные законы, которые он называет «принципами».

«Все, что доступно пониманию, имеет определенные свойства, к которым в соответствии с методологическими установками понимания следует применить определенные фундаментальные принципы: любое эмпирическое понимание — это истолкование, любое понимание осуществляется в рамках так называемого герменевтического круга, противоположности

каждой отдельной пары равно доступны пониманию, понимание не может быть окончательным, все психические явления открыты для бесконечных истолкований и переистолкований, понимание — это либо озарение, либо “разоблачение” того, что скрыто от поверхностного взгляда» (Ясперс, 1997).

Возьмем для примера второй принцип — «Любое понимание осуществляется в рамках так называемого герменевтического круга». Вот как его поясняет К. Ясперс:

«То, что доступно пониманию в определенный момент времени, составляет часть некоторой связанной целостности. Эта целостность, тождественная характерологическому облику личности, определяет смысл и сообщает колорит каждой из своих частей» (там же).

Тут что ни положение, то проблема: что значит «доступно пониманию», что такое «связанная целостность», что К. Ясперс понимает под «личностью», а также «характерологическим обликом личности»? Если это закон, то как от него отделить личную концепцию и понимание самого К. Ясперса? Вряд ли это возможно². Но, может быть, тогда идея герменевтического круга — просто *эффективная схема*, утвердившаяся в герменевтической практике? Эта схема, подобно схеме Московского метрополитена, хорошо работает, и слава богу, ведь не называем же мы схему метрополитена «законом

движения в метро». Нельзя ли предположить, что и создаваемые психологами построения — это прежде всего удобные схемы.

Кстати, вот что пишут З. Хьелл и Д. Зиглер, обсуждая эпистемологический статус психологических теорий личности:

«Теория обеспечивает смысловой каркас или схему, позволяющую упрощать и интерпретировать все, что нам известно о соответствующем классе событий. Например, без помощи теории (очевидно, психоанализа З.Фрейда. — В.Р.) было бы трудно объяснить, почему пятилетний Рэймонд испытывает такую сильную романтическую привязанность к матери, в то время как отец вызывает у него чрезмерное чувство негодования» (Хьелл, Зиглер, 1997, с. 26).

Данные авторы считают, что в результате построения психологической теории создаются именно схемы. Однако из философии науки мы знаем, что теория имеет дело не со схемами, а с *идеальными объектами*.

И все же данная связь идеальных объектов и схем в психологии, вероятно, не случайна. Тонкий психолог и методолог Ф.Е. Василюк тоже «через и» пишет о схемах и идеальных объектах: онтология, по его мнению, задается схемой и содержит идеальные объекты.

«Онтологией мы называем общую картину изучаемой области действительности,

² Возможный аргумент, что Карл Ясперс не настоящий психолог, я не могу принять. В отношении собственно психологических законов можно повторить все то же самое: как понимать условия их мыслимости, и могут эти законы существовать отдельно от их творцов, точнее — методологии, которые они реализовали, создавая эти законы.

которая имеется у данного исследователя. Для И.П. Павлова такой картиной является схема «организм—среда». Ведущее и определяющее отношение между элементами этой схемы — отношения уравнивания...

Основными идеальными объектами павловской онтологии являются безусловный и условный рефлексы. Собственно, речь здесь идет об одном идеальном объекте — рефлексе, поскольку открытие двух видов рефлексов — условных и безусловных — на самом понятии рефлекса не сказалось» (Василюк, 2003).

Затем Ф. Василюк вводит понятие «центральная категория».

«Итак, какое бы понятие мы ни попытались положить в основу психотехнической системы, сделав ее центральным предметом рефлекс или гештальт, самосознание или диалог, характер или переживание, можно рассчитывать на научную и практическую полноценность такой системы только в том случае, если это понятие сможет исполнить роль центральной категории. Центральная же категория психотехнической системы должна удовлетворять следующим критериям... служить идейной основой эффективных практических методов, то есть, с одной стороны, быть их *конструктивным принципом, позволяющим создавать такие методы и методики*, а с другой — их *объяснительным принципом*, позволяющим *научно объяснить* механизм действия как собственных, так и заимствованных методов.

И, наконец, самое главное: центральная категория должна быть такой, чтобы на ее основе можно было сформировать особый психотехнический метод, который наряду с *практической эффективностью является оптимальным эмпири-*

ческим исследовательским методом для предмета, выражаемого этой центральной категорией. Не простая сумма, а *органический синтез практической эффективности и познавательной продуктивности* — вот норма психотехнического метода» (курсив мой. — В.Р.) (там же).

Обратим внимание: «*органический синтез практической эффективности и познавательной продуктивности*». Что это значит в эпистемологическом плане? Для познавательного отношения (плана) речь, вероятно, должна идти об идеальных объектах, а для практического — о схемах. Другими словами, утверждая психотехнический подход, Ф. Василюк работает одновременно с идеальными объектами и схемами. В данном случае становится понятной их связь: в сфере психологического познания создаются идеальные объекты, а в психологической практике они начинают жить как схемы.

Но Ф. Василюка можно истолковать и иначе, а именно: и ученый, и практик в психологии сразу имеют дело как с идеальными объектами, так и со схемами. Иначе как понять такой его тезис:

«Расщепление, грозящее расколоть психологию на две дисциплины, может быть преодолено развитием психотехнического подхода, вводящего психологическую практику внутрь психологической науки, а науку — внутрь практики» (Василюк, 2003).

Чтобы во всем этом разобраться, я дальше рассмотрю, что такое практика и наука, схемы и идеальные объекты, а также два кейса — реконструкцию прототипа науки в «Пире»

Платона и фрагмент ранней работы З. Фрейда «История болезни фрейлейн Элизабет фон Р.».

Я давно уже утверждал, что единицей методологического анализа должны стать не отдельно «психологическая наука» и «психологическая практика», а тандем «наука-практика» (Розин, 1997, 2005). В практике (не вообще, а для нашей темы) можно различить четыре момента: *действие, понимание, объект*, заданный этим пониманием, и *схемы*, на основе которых понимание и действие строятся. Вот один характерный пример: архаическая практика, сложившаяся как реакция на затмение солнца или луны.

«На языке тупи, — пишет Э.Тейлор, — солнечное затмение выражается словами «ягуар съел солнце». Полный смысл этой фразы до сих пор обнаруживается некоторыми племенами тем, что они стреляют горящими стрелами, чтобы отогнать свирепого зверя от его добычи. На северном материке некоторые дикари верили также в огромную пожирающую солнце собаку, а другие пускали стрелы в небо для защиты своих светил от воображаемых врагов, нападавших на них. Но рядом с этими преобладающими понятиями существуют еще и другие. Караибы, например, представляли себе затмившуюся луну голодной, больной или умирающей... Гуроны считали луну больной и совершали свое обычное шаривари со стрельбой и воем собак для ее исцеления» (Тейлор, 1939, с. 228).

Обратим внимание на то, что архаические люди в данном случае действуют так, как будто они реально видят ягуара. Но ведь его нет. Что значит «нет». «Нет» в физическом

смысле, с точки зрения естественно-научной реальности, о которой дикари ничего не знают. Но «ягуар» задан языком, точнее «семиотической схемой», и в этом смысле он существует в сознании архаического человека как *психическая и семиотическая реальность*.

Поскольку человек еще не осознает природу схем и не строит их сознательно, лучше подобные семиотические образования назвать «квазисхемами» или «образно-смысловыми синкретами». Квазисхемы в архаической культуре (и в значительной степени и в последующих) задают сразу три грани явления: языковое выражение (нужно было изобрести сам нарратив, например «ягуар съел солнце» или «луна умирает»), понимание того, что происходит (диск солнца уменьшается, потому что его съедает ягуар), наконец, уяснение того, что надо делать (отгонять ягуара; а там, глядишь, скоро затмение прекращается — ягуар отпускает солнце; т. е. архаический человек убеждался в эффективности своего понимания). Этот синкретизм трех основных образований — языка, коммуникации и деятельности, очевидно, выступает условием разрешения проблем, с которой периодически сталкивались архаические племена (например, когда начиналось затмение, они испытывали ужас и не знали, что делать).

Первые схемы появляются только в античной культуре. В «Пире» Платон уже вполне сознательно строит схемы и на их основе дает различные определения любви. В своих работах я показываю, что схемы нужно отличать от знаков (Розин, 2001). Говоря о знаках, мы употребляем два

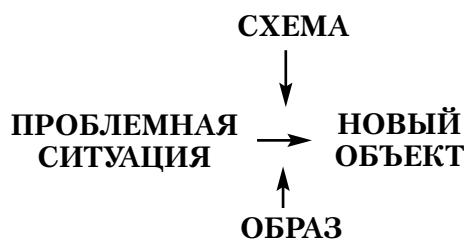
ключевых слова: «обозначение» и «замещение», например, некоторое число как знак обозначает то-то (скажем, совокупность предметов), замещает такой-то предмет (эту совокупность) в плане количества. У схемы другие ключевые слова: «описание», «средство» (средство организации деятельности и понимания), «образ предмета». Например, мы говорим, что схема метро описывает пересадки и маршруты движения, помогает понять, как человеку эффективно действовать в метрополитене; именно схема метрополитена задает для нас образ метро как целого.

Схема представляет собой двухслойное предметное образование, где один слой (например графический образ метро) замещает другой (метрополитен как структура движения пассажиров — входы и выходы, линии движения, пересадки). Схемы выполняют несколько функций: помогают понять происходящее, организуют и переорганизуют деятельность человека, собирают смыслы, до этого никак не связанные между собой, способствуют выявлению новой реальности. Появляются (изобретаются) схемы в ситуациях, где стоят проблемы; именно с помощью схем эти проблемы удается разрешить,

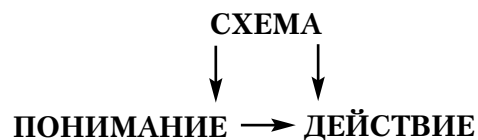
при этом складывается новый объект (реальность). Необходимым условием формирования схем является означение, т. е. замещение в языке одних представлений другими. В этом смысле схема вроде бы является одним из видов знаков, однако главное в схемах — это не возможность действовать вместо обозначаемого объекта, а разрешать проблемы, задавать новое видение и организовывать деятельность. Если мы делаем акцент на новом видении, то знаковая функция схемы выступает только как условие схематизации. Тогда схемы не могут быть поставлены в один ряд со знаками. В этом случае схемы — самостоятельная реальность, скорее эпистемологическое образование, о чем в свое время писал И. Кант. Если же акцент делается на замещении, то схема — это действительно сложный знак со всеми вытекающими из этого последствиями.

В случае с «практикой затмения» *проблемная ситуация* представляла собой страх, вызванный непонятным событием, *новый объект* — хищный дух (тигр, ягуар), поедающий светила, *действие* — шаривари и стрельба, призванные отогнать небесного хищника, схема — нарратив, приведенный Э. Тейлором (рисунок 1).

Рисунок 1

А. Метасхема функции схемы в «становлении»

Б. Метасхема «функционирования» схемы

Необходимое условие изобретения данной схемы — замещение (выражение), а именно образ хищного духа, поедающего светила, выражает то, что люди видят на небе (уменьшающийся диск).

Теперь что такое научное познание? Научное познание есть постижение действительности путем конструирования идеальных объектов. Идеальные объекты представляют собой интеллектуальные конструкции, выступающие в функции схем по отношению к «реальным» объектам; в научной же онтологии — это самостоятельные объекты. Идеальными объектами науки названы потому, что ученый *приписывает им определенные свойства*, которые хотя и соотносятся с некоторыми свойствами реальных объектов, но в общем случае задаются самим исследователем, решающим специфические научные задачи. Например, идеальные объекты геометрии — фигуры — могут быть рассмотрены как схемы предметов, имеющих правильную геометрическую форму. Геометрическим фигурам приписываются два типа свойств: одни, например, определенная форма, соответствуют реальным предметам, а другие, скажем, отсутствие толщины у линий и плоскостей или наличие точного равенства элементов, не имеют коррелята в реальных предметах (например, у линейки прямоугольной формы линии и плоскость имеют толщину, а стороны и углы при точном изме-

рении оказываются неравными). В то же время понятно, что только при отсутствии толщины линий и плоскостей и наличии точных равенств можно доказать геометрическую теорему, используя прием наложения одних линий и фигур на другие. Другими словами, идеальным объектам приписываются такие свойства, которые *позволяют осуществлять познание и вести научное объяснение действительности*.

Читая Архимеда, а он, как известно, был одним из первых ученых, можно подумать, что свойства идеальных объектов извлекаются из реальных объектов. В работе «О шаре и цилиндре» Архимед пишет следующее:

«Конечно, эти свойства были и раньше по самой природе присущи упомянутым фигурам, но они все же оставались неизвестными тем, кто до нас занимался геометрией, и никому из них не пришло на ум, что все эти фигуры являются соизмеримыми друг с другом» (Архимед, 1962, с. 95).

При этом Архимед вполне мог сослаться на авторитет Аристотеля, который утверждает в «Аналитиках», что «начала» наук получают методом индукции при сравнении вещей, принадлежащих одному роду (такое сравнение, по Аристотелю, позволяет получить общее, т.е. то, что сегодня мы относим к свойствам идеального объекта)³.

³ В антропологическом плане эта процедура обеспечивается способностью ощущения, конечным продуктом которой является именно извлечение общего (Аристотель, 1937, с. 73). Восприятию (ощущению) Аристотель приписывает здесь такие свойства, которые позволяют понять связь начал с вещами и работой чувств.

Однако И. Кант говорит, что свойства идеальных объектов ученый получает не из реальных объектов, что революция произошла тогда, когда ученый

«...понял, что его задача состоит не в исследовании того, что он усматривал в фигуре или в одном лишь ее понятии, как бы прочитывая в ней ее свойства, а в том, чтобы создать фигуру посредством того, что он сам а priori, сообразно понятиям мысленно вложил в нее и показал (путем построения). Он понял, что иметь о чем-то верное априорное знание он может лишь в том случае, если приписывает вещи только то, что необходимо следует из вложенного в нее им самим сообразно его понятию...» (Кант, 1964, с. 84–85).

Дальше, правда, выясняется, что процедура приписывания «а priori, сообразно понятиям» свойств идеальному объекту регулируется правилами и категориями рассудка и разума (мышления). Посмотрим, что собой представляет последнее, обратившись к истории становления античной мысли, где впервые складываются и мышление, и наука.

Реконструкция происхождения античной философии показывает, что становлению науки предшествовали два процесса: *изобретение рассуждений*, т. е. нового способа построения знаний (в рассуждении на основе одних знаний путем умозаключений получались другие, как уже известные, так и новые, как правильные, так и противоречивые) и формирование *процесса познания* сначала отдельных предметов (любви, души, музыки, движения тел и т. д.), затем более общих вещей

(неба, космоса, божества). И рассуждения, и познание появляются одновременно и частично в связи со становлением античной личности, т. е. человека, *переходящего к самостоятельному поведению, пытающегося самостоятельно выстраивать свою жизнь*. В одной из первых работ Платона его любимый герой Сократ утверждает, что он не простой человек, что сам ставит себя на определенное место в жизни и стоит там насмерть. На излете античности Сократу вторит Апулей. В «Апологии, или Речи в защиту самого себя от обвинения в магии» он так формулирует кредо своей жизни: «Не на то надо смотреть, где человек родился, а *каковы его нравы*, не в какой земле, а *по каким принципам решил он прожить свою жизнь*» (Апулей, 1960, с. 28). Именно рассуждение позволяло приводить в движение представления другой личности, направляя их в сторону рассуждающего (это было необходимо, поскольку каждая личность видит все по-своему и, как правило, не так, как общество в целом). Например, Сократ сначала склоняет своих слушателей принять нужные ему знания, а именно, что смерть есть или сладкий сон, или общение с блаженными лицами, а затем, рассуждая, приводит слушателей к представлениям о смерти как блага.

Установка же на познание складывается потому, что античная личность хочет понять, что существует на самом деле (что есть сущее), поскольку знание сущего она рассматривает как условие своего спасения. Последнее понимание просматривается в следующих рассуждениях Платона:

«Когда душа ведет исследование сама по себе, она направляется туда, где все чисто, вечно, бессмертно и неизменно, и так как она близка и сродни всему этому, то всегда оказывается вместе с ним, как только остается наедине с собой и не встречает препятствий. Здесь наступает конец ее блужданиям, и в непрерывном соприкосновении с постоянным и неизменным она и сама обнаруживает те же свойства. Это ее состояние мы называем размышлением» (Платон, 1993, с. 79).

Иначе говоря, задачу спасения (понимаемую не религиозно, а эзотерически) главные участники нового дискурса (Сократ, Парменид, Платон, Аристотель) связали с *познанием*, понимаемым как *получение знаний о сущем путем рассуждений* (размышлений, доказательств). Однако оказалось, что рассуждать можно было по-разному, в частности парадоксально. Если софисты пытались закрепить и оправдать практику получения парадоксов и свободной, ничем не ограниченной мысли, утверждая, что только человек — «мера знания о вещах» (Протогор), то ряд античных мыслителей, начиная с Парменида, выступили против этой практики и попытались преодолеть возникшие проблемы. В частности, Парменид впервые связывает знание не с человеком, а с сущим.

Люди о двух головах. Беспомощно ум их блуждает.

Бродят они наугад, глухие и вместе слепые...

Без сущего мысль не найти — она изрекается в сущем,

Иного не будет и нет: ему же положено роком —

Быть неподвижным и целым.

Все прочее — только названья:

Смертные их сочинили, истиной их почитая.

(Ахманов, 1960)

В этом тексте два интересных момента: один — понимание того, что мысль человека может быть неправильной, противоречивой («Люди о двух головах. Беспомощно ум их блуждает») и правильной, когда она ориентируется на «сущее»; второй — создание особой интеллектуальной конструкции «сущее как неподвижное и целое». Пожалуй, впервые в истории мысли человек сознательно строит идеальный объект, ведь наблюдать в природе ничего похожего он не может. Это именно интеллектуальное построение (сущему приписываются свойства неподвижности и целостности), призванное, с одной стороны, объяснить, почему в рассуждении создаются неправильные знания (или вследствие слабости ума, или неконтролируемого воображения), с другой — охарактеризовать подлинную реальность, которую только и имеет смысл описывать, рассуждая о бытии.

Уже Сократ показал, что ошибки в рассуждениях возникают потому, что рассуждающий по ходу мысли или меняет исходное представление, или же переходит от одного предмета мысли к другому, нарушая, так сказать, предметные связи. Вот, пример элементарного софистического рассуждения: «У человека есть козел, у которого есть рога, следовательно, у человека есть рога». Здесь в первой посылке связка «есть» — это одно отношение (имущественной принадлежности, т. е. козел принадлежит

человеку), а во второй — другое отношение (рога козла — это не его имущество, а часть его тела). Чтобы при подобных подменах и отождествлениях не возникали парадоксы, Сократ стал требовать, во-первых, определения исходных представлений (в данном случае нужно определить, что такое человек, козел и рога), во-вторых, сохранения (неизменности) в рассуждении заданных в определении характеристик предмета⁴.

Как эти требования могли выглядеть для античного человека, глядящегося в реальность, пытающегося схватить сущность явлений? Вероятно, как выявление в действительности твердых, неизменных оснований вещей. Но это как раз и есть платоновская идея, т. е. Платон сузил сущее Парменида до идеального объекта, заданного в определении. С одной стороны, идея — это неизменная сущность, предмет мысли, сохраняющийся неизменным в ходе рассуждения, с другой — это то, что задано определением.

Идеи вводились Платоном, чтобы нормировать рассуждения. В «Пармениде» Платон пишет, что:

«...не допуская постоянно тождественной себе идеи каждой из существующих вещей, человек не найдет, куда направить

мысль, и тем самым уничтожит саму возможность рассуждений» (Платон, 1993, с. 357).

Хотя мысль Платона вращается вокруг вещей и идей, мы должны сказать, что он пытается построить нормы рассуждений. Но решение его онтологическое, ему кажется, что человек будет правильно рассуждать, именно это он и называет размышлением, если будет знать, как устроена подлинная реальность (мир идей), и затем в рассуждении будет исходить из этого знания.

В представлении об идеальном объекте, как это видится сегодня в ретроспекции, сходятся две разные линии: трактовка сущности как *условия познания* (это мир спасения, свободный от противоречий, противопоставленный миру эмпирическому) и то, что *задано определением*, т. е. *конкретные свойства*, которые приписываются предмету рассуждения. С этой точки зрения, построить идеальный объект — это значит, с одной стороны, **найти конкретные свойства предмета**, позволяющие рассуждать без противоречий и решать определенные познавательные проблемы, с другой — **прописать создаваемое построение в пространстве сущего**.

⁴ Если сравнить предмет, заданный в определении, с эмпирическим предметом (например, козу как собственность и козу как таковую), то легко заметить, что первый предмет — это идеальное построение. У эмпирической козы почти бесконечное число свойств (коза — это животное, существо с четырьмя ногами, дающее молоко, приплод, шерсть и т. д. и т. п.), а у козы как собственности свойств несколько. Кроме того, в природе, вообще-то говоря, такой козы не существует, хотя она начинает существовать в рассуждении и мысли человека. Иначе говоря, создавая определение, человек именно приписывает козе определенные контролируемые в рассуждении свойства, то есть конструирует идеальный объект. Трудно переоценить заслугу Пифагора, Сократа и Платона, запустивших указанный процесс идеализации.

Рассматривая в диалоге «Парменид» отношения между *единым и многим*, Платон одновременно решает важную задачу нормирования рассуждений, разворачивающихся по поводу какого-нибудь предмета. До изобретения рассуждений знания, относящиеся к определенному предмету, например любви, объединялись на схемах, задающих этот предмет, чаще же просто относились к этому предмету. Например, в античной мифологии любовь истолковывалась как действие богов любви — Афродиты и Эроса, а также как страсть (умопомрачение). С формированием рассуждений возникла сложная проблема: знания о предмете получались в разных рассуждениях и часто выглядели совершенно различными. Спрашивается, как же их объединить, чтобы не получались противоречия? Вот здесь и потребовалась особая норма. С точки зрения Платона, предмет задается как единое, а отдельные его характеристики — это многое, причем «единое есть многое». В данном случае задача нормирования рассуждения и нормирования деятельности познания, ведь единое — это и есть своеобразная норма познаваемого предмета (например любви), еще не разошлись. У Аристотеля такая дифференциация уже налицо: в первой «Аналитике» он дает нормы для рассуждений, во второй — для познания.

Одной из первых удачных попыток формирования научного предмета можно считать «Пир» Платона. В этой работе Платон конструирует любовь как идеальный объект, приписывая любви за счет определений такие свойства, как «поиск своей половины», «стремление к целостнос-

ти», «разумное поведение», «вынашивание духовных плодов» (стремление к прекрасному, благу, бессмертию). При этом Платон решает три задачи: создает новое понимание любви для становящейся античной личности, строит о любви непротиворечивое знание, реализует в отношении любви ряд собственных идеалов (Розин, 2005, с. 176–181).

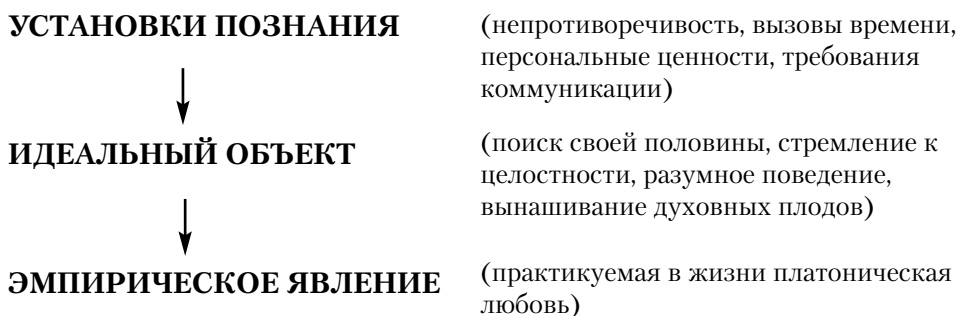
Осознает он только вторую задачу, назовем ее условно «логической». Поясняя в диалоге «Федр» примененный им метод познания любви, включающий два вида мыслительных способностей, Платон пишет, что одна —

«это способность, охватывая все общим взглядом, возводить к единой идее то, что повсюду разрозненно, чтобы, давая определение каждому, сделать ясным предмет поучения». Рассуждая об Эроде, Платон именно так и поступил: «сперва определил, что он такое, а затем, худо ли, хорошо ли, стал рассуждать; поэтому-то рассуждение вышло ясным и не противоречило само себе» (Платон, 1993, с. 176).

Если «логический» аспект своих построений, как мы видим, Платон четко осознает, то два других, назовем их условно «вызовами времени» (в данном случае это необходимость создать представления о любви для становящейся античной личности) и «персональными ценностями» (убеждение Платона, что для любви необязательна чувственная сторона дела, семья, брак и даже женщина), им не обсуждаются *как норма философской работы*, хотя обсуждаются по содержанию (иначе откуда бы я их взял?). Естественно, не осознает Платон и того, что большую роль в

Рисунок 2

Схема становления идеального объекта

его построениях сыграло разъяснение новых представлений о любви для непонимающих слушателей, т. е. процесс коммуникации.

Но вот что интересно: характеристики идеального объекта Платон сначала получает на схемах, лишь затем на их основе он строит определения любви. Действительно в «Пире» Платона мы находим несколько схем. Из них мы рассмотрим две центральные — схему «андрогина» и «вынашивания духовных плодов». Один из участников диалога Аристофан рассказывает историю, в соответствии с которой каждый мужчина и каждая женщина ищут свою половину, поскольку они произошли от единого андрогинного существа, рассеченного Зевсом в доисторические времена на две половины.

«Итак, — говорит Аристофан, — каждый из нас — это половинка человека, рассеченного на две камболоподобные части и поэтому каждый ищет всегда соответствующую ему половину. Мужчины, представляющие собой одну из частей того двуполого прежде существа,

которое называлось андрогинном, охочи до женщин, и блудодеи в большинстве своем принадлежат именно к этой породе, а женщины такого происхождения падки до мужчин и распутны. Женщины же, представляющие собой половинку прежней женщины (*андрогина женского пола*. — В.Р.), к мужчинам не очень расположены, их больше привлекают женщины, и лесбиянки принадлежат именно этой породе. Зато мужчин, представляющих собой половинку прежнего мужчины, влечет ко всему мужскому» (Платон, 1993, с. 100).

Другая участница, Диатима, описывает путь людей, которые, разрешаясь в любви духовным бременем.

«Те, у кого разрешиться от бремени стремится тело, обращаются больше к женщинам и служат Эроту именно так, надеясь деторождением приобрести бессмертия и оставить о себе память на вечные времена. Беременные же духовно — ведь есть и такие — беременны тем, что как раз душе и подобает вынашивать. А что ей подобает вынашивать? Разум и прочие добродетели... каждый, пожалуй,

предпочтет иметь таких детей, чем обычных» (там же, с. 119–120).

Почему эти нарративы я называю схемами? Во-первых, Платон их сам строит (в номенклатуре античных мифов такого нет). Во-вторых, они задают не только новый объект (любовь как стремление к целостности и поиск своей половины, как вынашивание духовных плодов), но подсказывают, как теперь нужно действовать (не ждать пока тебя поразит золотая стрела бога любви Эроса, а понять, кто ты есть сам и искать похожего на себя, т. е. свою половину). Понятно в данном случае и семиотическое основание платоновских схем: половинки андрогинов обозначают двух любящих.

Почему, спрашивается, Платона не устраивало обычное понимание любви, столь красочно описанное в античной мифологии? Прежде всего потому, что такая любовь понималась как состояние, вызываемое богами любви и поэтому не зависящее от воли и желаний человека. Платон, однако, считал, что одно из главных достоинств философа — как раз сознательное участие в собственной судьбе (мироощущение, сформулированное Платоном в концепции «epimelia» — буквально «заботы о себе»). Кроме того, обычно любовь понималась как страсть, охватывающая человека в тот момент, когда боги любви входили в него; как сильный аффект, полностью исключая разумное поведение. Платон, напротив, призывал человека следовать не страстям, а действовать разумно. Разумное построение жизни, по Платону, — это работа над собой, направляющая человека в со-

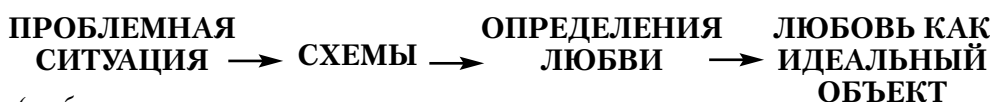
вершенный мир идей, где душа пребывала до рождения человека.

По Платону, размышление позволяет душе припомнить мир идей, в котором она пребывала до рождения. Другой результат познания и работы человека над собой, конечно, в том случае, если они последовательно идут до конца, т. е. до полного воспоминания мира идей, — возможность «блаженно закончить свои дни». Под этим Платон понимает не только преодоление страха перед смертью, но приоткрывающуюся при этом возможность буквального бессмертия. Наконец, уяснение мира идей является условием и познания обычных вещей — «многого».

В этом смысле понятно, как действовал автор «Пира». Он мыслит любовь как идею — единое, а различные представления о любви, высказываемые участниками диалога, — это многое. Задавая любовь как «единство многого», Платон, как бы мы сказали сегодня, строит теоретический предмет (науку о любви). В нем различные характеристики любви непротиворечиво объединяются в рамках единой идеи платонической любви. При этом анализ «Пира» показывает, что указанные отдельные характеристики любви выявляются и объединяются в рамках единой идеи в ходе рассуждений о любви, но их роль минимальна; главным же образом синтез знаний о любви осуществляется Платоном на основе схем. С одной стороны, именно схемы, по-новому организуя смыслы, обнаруживают новую реальность любви, с другой — за схемами лежат потенции и экзистенции нарождающейся античной личности и личности самого Платона.

Рисунок 3

Метасхема становления любви как идеального объекта

(необходимость мыслить непротиворечиво, любить для личности, преодолеть мифологическое понимание любви, реализовать себя)

Кто же такой Платон в «Пире»: философ (ученый) или практик? И тот, и другой. С одной стороны, Платон, давая определения любви, получает не только новые непротиворечивые знания, но и строит идеальные объекты, с другой стороны, он создает схемы, позволяющие любить по-новому (платонически), что конституирует новую практику любви.

Перенесемся теперь на крыльях воображения в начало XX в., когда З. Фрейд пытается помочь своей пациентке Элизабет фон Р. и при этом понять, как устроена вообще психика человека. После долгих поисков он находит причину ее заболевания.

«Итак, вы были давно влюблены в своего зятя», — сухо сказал я. Элизабет громко вскрикнула и сразу же пожаловалась на страшные боли. Она сделала еще одну отчаянную попытку избежать объяснения: мол, это неправда, это я ей внушил, этого не могло быть, на такую подлость она не способна, этого бы она себе никогда не простила. Было совсем нетрудно доказать ей, что ее собственные высказывания не допускали иного толкования; но сопротивление продолжа-

лось достаточно долго, до тех пор, пока два моих утешительных довода — что, дескать, нельзя отвечать за свои чувства и что само ее заболевание является убедительным свидетельством ее моральной чистоты — не возымели на нее должного эффекта.

Теперь я должен был искать разнообразные способы для того, чтобы успокоить пациентку. Прежде всего, я хотел дать ей возможность путем отреагирования избавиться от накопившегося за длительное время возбуждения. Мы исследовали ее первые впечатления от знакомства с зятем, пути зарождения неосознанного чувства влюбленности. Здесь и обнаружили все мелкие события, которые, если оглянуться назад, и были предвестниками вполне зрелой страсти...» (Фрейд, 1992, с. 93–95).

Двигаясь по нащупанному пути, т. е. давая больной вспомнить, осознать и пережить подавленную любовь к зятю, Фрейд утверждает, что смог постепенно добиться практически полного излечения своей пациентки.

Как Фрейд понимает, что такое «травматическая» ситуация? С его

точки зрения, это конфликт неосознанных и неотрагированных противоположных чувств (обычно таких, как любовь к близкому человеку и переживание долга, ответственности и т. д.), приводящих к изоляции «невыносимых представлений».

«Но как могло произойти, что столь аффективно насыщенная группа представлений оказалась такой изолированной? Обычно ведь чем больше величина аффекта, тем более значительную роль играет представление, связанное с этим аффектом, в ассоциативном процессе. На этот вопрос можно ответить, приняв во внимание два факта, о которых мы можем судить с полной уверенностью, а именно: (1) одновременно с формированием этой изолированной группы представлений возникали истерические боли, и (2) пациентка оказывала сильное сопротивление любой попытке установить связь между этой изолированной группой и другими содержательными компонентами сознания; когда же, наконец, удалось эту связь установить, она испытала сильную душевную боль. Сознание не может предугадать, когда именно возникнет невыносимое представление. Невыносимое представление исключается и образует изолированную психическую группу вместе со всем, что с ним связано. Но первоначально оно должно было быть представлено в сознании, входя в основной поток мыслей, иначе не возник бы конфликт, являющийся причиной такого исключения. Именно эти моменты мы считаем «травматическими»; именно тогда осуществляется конверсия, результаты которой — расщепление сознания и истерический симптом» (Фрейд, 1992, с. 69, 71).

Возможно, начиная с данного случая (Элизабет не поддавалась гип-

нозу) пошла нелюбовь З. Фрейда к гипнозу, который он рассматривает как «капризное и мистическое средство». Поэтому З. Фрейд пытается найти другие способы провоцирования пациента на осознание своих переживаний. Он обращает внимание на утверждение Бернхейма, что существует определенная остаточная связь между гипнотическим и бодрствующим состояниями. Взяв эту идею, З. Фрейд ищет приемы, позволяющие обнаруживать у пациентов в бодрствующем состоянии «ключевые высказывания», свидетельствующие о психотравме. Случай наталкивает его на метод «свободных ассоциаций». З. Фрейд начал требовать, чтобы пациенты в ответ на какое-либо слово свободно продуцировали любые другие слова, приходящие им в голову, «какими бы странными эти ассоциации им ни казались». В этот же период З. Фрейд описывает феномен «сопротивления», т. е. нежелание пациентов вспоминать или осознавать сцены и конфликты, приведшие к психической травме.

Углубляя понимание того, что происходило при этом с человеком, З. Фрейд рисует такую картину. Если «подавленный» («защемленный», «противоположный») аффект не находит нормального, естественного выхода (не может быть реализован), происходит его задержка, ведущая к «источникам постоянного возбуждения» или «перемещению в необычные телесные инервации» (соматические поражения). Подобные состояния психики, когда нарушаются условия нормального выхода аффектов и происходит их задержка, защемление, З. Фрейд называет,

«гипноидными» состояниями души, поскольку человек ничего не знает об истинных источниках травмы. Осознание больным собственных травматических переживаний (катарсис) рассматривается в данном случае как сила, высвобождающая «подавленные», «защемленные» аффекты.

«Благодаря изучению гипнотических явлений, — пишет З. Фрейд, — мы привыкли к тому пониманию, которое сначала казалось нам крайне чуждым, а именно, что в одном и том же индивидууме возможно несколько душевных группировок, которые могут существовать в одном индивидууме довольно независимо друг от друга, могут ничего не знать друг о друге и которые, изменяя сознание, отрываются одна от другой. Если при таком расщеплении личности сознание постоянно присуще одной из личностей, то эту последнюю называют сознательным душевным состоянием, а отделенную от нее личность — бессознательным... мы имеем прекрасный пример того влияния, которое сознательное состояние может испытать со стороны бессознательного» (Фрейд, 1923, с. 17).

Как можно категориально истолковать этот и предыдущий нарратив? С одной стороны, это явно схемы (назовем их «*психотехническими*», поскольку они были добыты в результате объективации и схематизации психотерапевтических процедур, нащупанных З. Фрейдом при общении со своими пациентами). Например, феномен сопротивления З. Фрейд вводит в психику, чтобы объяснить и оправдать свое поведение. Элизабет сопротивляется, говорит, что ей внушают то, чего не мо-

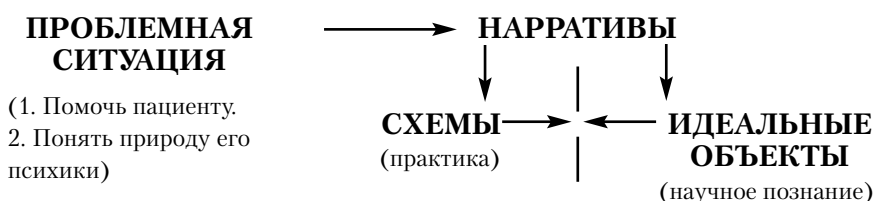
жет быть, а З. Фрейд преодолевает ее сопротивление и убеждает свою пациентку, что все так и есть на самом деле, как он говорит. Получается, что «сопротивление» у З. Фрейда — это теоретическое осмысление его собственной практики и убеждений. Он истолковывает сопротивление Элизабет с помощью схемы, где введение в общее поле сознания изолированной области сознания (второй, так сказать, бессознательной личности) предполагает преодоление сил и энергии, затраченных на процесс изоляции. Понятно, что при другой концептуализации, например по К. Роджерсу, сопротивление могло быть истолковано совершенно иначе, например, как отказ принимать неправильную интерпретацию (кстати, именно такова и была первая реакция Элизабет) или как нежелание восстанавливать целостность опыта личности, или обсуждать с чужим человеком личные проблемы.

С другой стороны, эти нарративы представляют собой идеальные объекты, поскольку с их помощью З. Фрейд стремится понять, как устроена психика; с позиций естественно-научного объяснения он ищет однозначные причины заболевания Элизабет, прибегает к рациональным представлениям, главными из которых являются физикалистски истолкованные идеи борьбы противоположных влечений, расщепления личности и сознания, выпадения одной из областей сознания из общего поля.

На следующем этапе З. Фрейд строит первую свою теорию психики, содержащую три инстанции: сознательную, предсознательную и бессознательную. По Ф. Василюку,

Рисунок 4

Метасхема становления представлений З.Фрейда

это онтология. С этим можно согласиться: представления, заданные этой теорией, оторваны от эмпирического материала и отнесены к особой действительности — *психике человека как таковой*. И элементы (станции) психики, и их связи (конфликт сознательного и бессознательного, отношение вытеснения, а также выход вытесненных структур в сознание) являются, с одной стороны, конструктивными, с другой — схемами по отношению к фактам, с третьей — они удовлетворяют логическим критериям (требованию непротиворечивости и научного объяснения, конечно, как их понимает сам З. Фрейд). Однако почему З. Фрейд не удовлетворился отдельными психотехническими схемами и идеальными объектами?

Во-первых, он пытался определить характер «защемленных» аффектов («оторвавшихся» душевных группировок) с тем, чтобы знать, на какие признаки поведения пациента или его высказывания нужно ориентироваться психотерапевту для постановки правильного диагноза и дальнейшего лечения. Во-вторых, З. Фрейд стремился создать объяснение всех наблюдаемых им явлений по естественно-научному образцу: построить идеальный объект и пол-

ностью имитировать на нем функционирование и поведение объекта, т. е. объяснить, согласно логике построенного механизма, все явления, наблюдаемые в психотерапевтической практике. Эта установка З. Фрейда была вполне аналогична той, которую в 1970-е годы формулирует наш отечественный психолог П.Я. Гальперин.

«Наука, — пишет он, — изучает, собственно, не явления, а то, что лежит за ними и производит их, что составляет «сущность» этих явлений, — их механизмы... вопрос в том, что составляет механизмы психологических явлений и где эти механизмы следует искать. Понятно, что, только зная эти механизмы, можно овладеть предметом в большей мере, чем позволяют опыт и практика, не вооруженные теорией; понятно и то, что всякое психологическое исследование должно быть направлено на изучение механизмов психологических явлений» (Гальперин, 1976, с. 9–10).

Судя по всему, центральной идеей, положенной З. Фрейдом в основание подобного механизма, послужило представление о взаимодействующих в человеке самостоятельных *конфликтных* личностях (душевных группировках), которые в новой

схеме превращаются в противоположные инстанции психики. Второе соображение было получено из скрещивания идеи катарсиса и факта сопротивления. З. Фрейд приходит к мысли, что если определенное переживание (душевная группировка) не пережито (не отреагировано), поскольку противоречит культурным нормам сознания, оно уходит из сознания, забывается и одновременно мешает текущей психической активности. Чтобы устранить эту помеху (снять психическую травму), необходимо в какой-либо форме такое переживание пережить, провести через сознание. Представление о *конflikте культуры и общества, одной личности в человеке с другой* были отчасти конструктивными, отчасти эмпирическими. Совмещая и объективируя все эти представления и идеи, З. Фрейд вводит понятия о бессознательном и цензуре (ее обеспечивала предсознательная инстанция), а также идею вытеснения.

Что такое на данном этапе построения идеального объекта бессознательное? С одной стороны, область психики, где действует «защемленная» (вытесненная) личность, о которой сам человек ничего не знает, которую он не осознает; именно с этой странной «личностью» имели дело Брейер и Фрейд, когда вводили больного в гипноз и спрашивали его об исходной травме. С другой стороны, бессознательное — это та же личность (душевная группировка), находящаяся в конфликте с другой личностью (она отождествляется с обычным сознанием) и одновременно стремящаяся к ней, поскольку только так она может реализовать себя.

Трактовка инстанций психики не только как составляющих, подсистем и особых сил (стремление к реализации, запрет, вытеснение), но и как самостоятельных личностей позволяла З. Фрейду рассматривать соответствующие содержания инстанций в качестве особых высказываний, текстов. В этом плане все психические феномены получали в теоретической конструкции З. Фрейда двоякую трактовку: как особые конфликтные силы и сущности (желания, влечения) и как мысли, высказывания, которые нужно было адекватно понять и расшифровать. Последний момент определялся действием цензуры: З. Фрейд предполагал, что бессознательное как личность, чтобы реализовать себя, вынуждено хитрить, маскировать свои истинные мысли и желания. Поэтому, прорываясь в сознание (когда действие цензуры ослабевает), бессознательное реализует себя, так сказать, в форме инобытия: оно высказывается на эзоповском языке; в плане же феноменальном предстает в сознании как другое, не похожее на себя явление.

«Ближайшие скрытые мысли, — пишет З. Фрейд, — обнаруживаемые путем анализа, поражают нас своей необычной внешностью: они являются нам не в трезвых словесных формах, которыми наше мышление обыкновенно пользуется, а, скорее, посредством сравнений и метафор» (Фрейд, 1926, с. 35).

Такая постановка вопроса является уже сугубо гуманитарной. Она предполагает коммуникацию исследователя с исследуемым объектом, необходимость понять этот объект, возможность внесения в изучаемый

объект собственного понимания и рефлексии и т. п.

Отметим, что на данном этапе конструирования идеального объекта бессознательными по содержанию могли быть любые вытесненные желания и влечения, лишь бы они удовлетворяли требованию конфликтности и сознание могло быть истолковано как условие реализации бессознательного. Определение и расшифровка бессознательных влечений зависели, прежде всего, от искусства психотерапевта. Ему приходилось перебирать и анализировать большое число случаев из жизни пациента, прежде чем удавалось нащупать ситуацию, вызвавшую психическое нарушение. При этом до конца врач так и не мог быть уверен, что найденное им «звено» как раз то, которое позволит вытянуть всю цепь последовавших у пациента нарушений в деятельности психики и организма. Не в последнюю очередь и потому, что пациенты сопротивлялись, отрицали объяснения З. Фрейда.

Тогда З. Фрейд предпринимает ряд кардинальных шагов. Чтобы снять многозначность и неопределенность в поиске бессознательных структур (вытесненных желаний, влечений), он приписывает этим структурам строго определенное значение, а именно трактует их как сексуальные влечения (инстинкты). Выбор сексуальности как значения бессознательного был отчасти случайным (подсказка Шарко), отчасти же действительно давал решение проблемы. Во-первых, сексуальность легко интерпретировалась энергетически, тем самым идеальный объект (психика) находил свое место в природе, понимаемой физикалист-

ски. Во-вторых, сексуальность можно было интерпретировать в ценностном и культурном планах (в качестве влечений, входящих в конфликт с нормами культуры). В-третьих, З. Фрейд получал четкое правило дешифровки (интерпретации) интересующих его феноменов сознания: истерии, сновидений, описок, юмора и т. д. Они теперь должны были сводиться к сексуальным влечениям, вытесненным в бессознательное.

Поистине гениальной была идея отнесения всех психотравм в детство. Как известно, З. Фрейд утверждает, что основные психические проблемы у человека возникают именно в этот период. Приняв такое объяснение, пациенты в значительной степени перестают сопротивляться, поскольку, что было в детстве, они не помнят. Наконец, приписав психическим конфликтам значения комплексов (Эдипа, Электры), З. Фрейд замыкает построение психики как механизма.

Всю эту работу можно рассмотреть, с одной стороны, как упрощение представления о психике, а с другой — как конструирование особого идеального объекта, удовлетворяющего механизмическим представлениям. Если бы З. Фрейд мыслил подобно Галилею, то следующим шагом была бы постановка эксперимента, позволяющего установить соответствие психики как идеального объекта с реальной психикой человека. Однако З. Фрейд, несмотря на свое физикалистское мировоззрение, мыслит в данном случае скорее в гуманитарном ключе, где подобное соответствие устанавливается не в эксперименте, а сразу в исходном пункте изучения за счет

ценностного отношения. З. Фрейд с самого начала исходит из представления о конфликте между человеком и обществом и частично — между врачом и пациентом (феномен сопротивления); он создает такие интерпретации феноменов сознания пациента и ведет осознание им своих проблем по такому пути, который полностью отвечает представлениям З. Фрейда о заданном им устройстве психики. Получается, что теоретические представления поддерживают и направляют практику, а практика — теоретические представления.

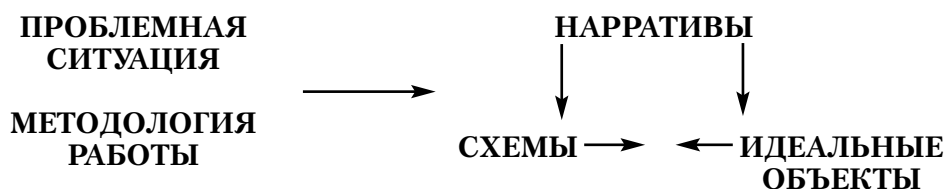
И еще один очень важный вывод, следующий из анализа данного кейса. Конструирование схем и идеальных объектов детерминируется у З. Фрейда не только проблемами, которые он формулирует и пытается разрешить, но и в широком понимании «методологией работы» (его установкой одновременно на практику и познание, естественно-научными убеждениями, научным компромиссом, когда он прибегает к гуманитарным формам работы, использованию психотехнических схем для построения идеальных объектов и последних для построения новых схем).

Теперь можно вернуться к вопросу об истинности психологических построений. Целесообразно говорить о двух критериях истинности: внутреннем и внешнем. Сначала внутренний критерий. Если для Платона истинность его построений задавали идеи, для Аристотеля — «начала» (как исходный пункт рассуждения и сущность явления), для И. Ньютона и И. Канта — понятие «закон», то для психологов, вероятно, это *проблемная ситуация и методология работы*. С этой точки зрения, внутренние критерии истинности у разных направлений психологии (естественно-научного, гуманитарного, психотехнического и др.) будут различные.

Внешний критерий истинности задается использованием схем. Если схемы, вынутые из психологической теории, оказываются привлекательными для определенного пользователя (аудитории, популяции), то по внешнему критерию они истинны. Другой вариант — возможность «надеть на пользователя» схемы, создав «практики вменения». За примерами здесь ходить далеко не надо, большинство психологических прак-

Рисунок 4

Метасхема формирования психологических представлений

тик, начиная с психоанализа, таковы⁵.

Наконец, мыслим и третий случай — «эволюционный». С течением времени определенные схемы и связанные с ними теории сходят со сцены истории (это, правда, не означает, что при каких-то условиях они не могут ожить снова).

Общим для всех направлений психологии будет диалектика схематизации и конструирования идеальных объектов. Только в случае академической психологии влияние практики на научное познание не осознается, хотя реально всегда имеет место. В случае чисто практических дисциплин крен в другую сторону: не осознается важная роль познания, встроенного в психологическую практику. В рамках психотехнического подхода, разрабатываемого Ф. Василюком, обе части психологической работы — конструирование схем и создание идеальных объектов — находят свое органическое место.

Кстати, то, что Ф. Василюк называет центральной категорией (деятельность, бессознательное, установка, переживание и т. п.), — это не

столько «онтологическая конструкция», сколько «онтологический ключ» для методологической работы. Действительно, затруднительно в общем случае (безотносительно к конкретным теориям) указать свойства, которые задает центральная категория, но зато, как правило, нетрудно охарактеризовать связанные с ней методы и подходы.

Наконец, в чем различие «академических психологических теорий» и «неакадемических», «практических». Первые создавались в рамках психологической науки при ведущей познавательной установке; влияние практических требований и схем в академической психологии фактически не осознается. Разворачивались эти теории за счет изучения идеальных объектов и сведения более сложных случаев к уже изученным.

При создании практических теорий, напротив, в качестве ведущей установки выступают практические требования и схемы. Значение же идеальных объектов и изучения понимается в тех психологических школах, в которых сложилась достаточно высокая культура мышления.

⁵ В этом плане не так уж важно, что З. Фрейд в ряде случаев нарушает провозглашаемые им принципы естественно-научного подхода. Истинность задается не ими, хотя они входят в состав методологической работы. Но туда много чего еще входит. Кроме того, есть и внешний критерий истинности.

Литература

- Апулей.* Метаморфозы. В XI кн. М., 1960.
- Аристотель.* О душе. М., 1937.
- Архимед.* О шаре и цилиндре // Архимед. Сочинения. М., 1962.
- Ахманов А.С.* Логическое учение Аристотеля. М., 1960.
- Василук Ф.Е.* Методологический анализ в психологии. М., 2003 (http://www.i-u.ru/biblio/archive/vasiluk_method/01.aspx).
- Гальперин П.Я.* Введение в психологию. М., 1976.
- Кант И.* Критика чистого разума // Кант И. Соч. в 6 т. Т. 3. М., 1964.
- Корнилова Т.В., Смирнов С.Д.* Методологические основы психологии. СПб., 2008.
- Платон.* Федон. Парменид. Федр. Пир // Платон. Соч. в 4 т. Т. 2. М., 1993.
- Розин В.М.* Психология: теория и практика. М., 1997.
- Розин В.М.* Психология: наука и практика. Учебное пособие. М., 2005.
- Розин В.М.* Семиотические исследования. М., 2001.
- Савостьянов А.Н.* Идеальные объекты в структуре мировоззренческой традиции. Новосибирск: СО РАМН, 2003 (http://www.philosophy.nsc.ru/journals/philsience/14_02/savost.htm).
- Тейлор Э.* Первобытная культура. М., 1939.
- Фрейд З.* История болезни фрейлейн Элизабет фон Р. // МПЖ. 1992. № 1.
- Фрейд З.* История болезни... // МПЖ. 1992. № 2.
- Фрейд З.* Лекции по введению в психоанализ. М., 1923.
- Фрейд З.* Психология сна. М., 1926.
- Ясперс К.* Общая психопатология. М., 1997 (<http://www.solarys-info.ru/articles/article.aspx?id=6331>).